

Дмитрий РУМЯНЦЕВ

ЗНАКОМЫЙ ОКЛИК

Стихотворения

Лето в деревне

Выходишь на берег, как гусь из воды,
и солнце твои запекает следы
в оранжевой глине.
Так время застынет,
и всхлипнет топляк отголоском беды.

А ветер играет пустым тростником,
да катятся мысли кривым колесом,
чтоб в росы свалиться.
И чувствуют мышцы,
что шутку течение сыграло с пловцом.

Ведь здесь, заблудившись в высокой траве,
колючая стежка дробится на две.
Три тысячи тропок.
Луг темен и топок.
И только луна одинока в воде.

Куда ты пойдешь? С какой стороны
упрячешь в охапку огромной страны –
за лес или выгон? –
все то, что ты выбрал
руками в мешке грязноватой волны?..

Цирк

Я сызнава люблю простые вещи,
о мудрости не знаю ничего.
А в цирке слон – индийский бог Ганеша –
старается для сына моего.

И широко раскрытыми глазами
сын смотрит, как в лучах прожекторов
слон крутит обруч, вскидывает знамя,
на тумбу поднимается – без слов,

и, трубный звук надсадно исторгая,
как человек, на задние встаёт.
Сын спрашивает: – Папа, он – поёт?
– Да, он играет с нами. Он – Играет!..

А, впрочем, я не знаю, знать не в праве
того, что открывается тебе.
Слон Индии играет на трубе,
куда на детства крошечной шикаре

ты уплываешь. Там – иные вещи:
любовь и смех растут из живота,
судьба чревата замыслом, густа,
и с маленьким, с тобою ищет встречи.

...Свет гаснет. Растекается толпа.
– Скажи мне, сын, что жизнь не так зловеща,
как кажется...

Читая сыну Барто

Ты разгваздал мой давний оберег –
хрустального слона. Его я склеил.
Судьбу ж не склеишь. Жизнь брала разбег,
но лайнер не взлетел – уткнулся в клевер.
Теперь на пепелище моего
полёта неудавшегося, кроха,
ты в жизнь вступил. Что хорошо, что плохо –
не знаю я, – зачем и для чего?

И потому мне страшно наблюдать,
как ты растёшь и первые вопросы
слетают с губ. А я не Маяковский,
чтоб выдавать ответы. Страшно знать
про мрак галактик, про духовный космос,
где заблудились Юнг и Циолковский,
куда и я посмел тебя позвать.

А здесь на счастье не хватает сил,
а здесь за хлеб, за жизнь – до смерти биться.
Но ты сюда откуда-то явился,
в свою ладошку детскую схватил
мой палец указательный. Повёл
меня в игру, в распахнутые двери.
И надо ж так, что я тебе поверил,
и то, что потерял, опять обрёл.

...До половины выбрав жизнь свою,
я в лес попал к моральному зверью,
но вышел на знакомый оклик: – Папа!
И то, что *оторвали мишке лапу*,
и сердцем истрепался косолапый, –
ещё не горе, – он ещё в строю.

Бабочки

1. Голубянка киана

Ах, бабочка, беглянка, два крыла!
В двуречье, каторжанка, за Урал

уносится – узорница и блажь!
Как хороша! Не воздух, а витраж!

Сквозь северную готику сосны
химеры-птицы, данницы весны,
стригут лазурь двуострым чик-чирик,
а потому ты гостья, но на миг!

Страдалица, иконка для урла,
святая тать – ты в небо умерла.
Немного красоты (в пустой рукав)
над травами у вечности украв!

2. Совка

Как будто тишина большая
собралась задом-наперед,
на травах бабочка цветет,
в подкрылках ветер предвкушая.

Пока же – лепесток и флора –
она, спорхнувшая с Фавора,
среди прохожих и машин
еще не более души.

Но собирается в дорогу
потугой восходящих крыл.
И что ей птица-Азраил?
Когда она – еще немного –

и ляжет, избежав погонь,
прожилками в Его ладонь.

3. Нимфа

Репейница, крохотный складень,
парящая на воздушях
иконка – не знаем, не найден
Рублёв, расписавший размах

крыла. Сквозь полёта метанье –
начётчиков скучный бубнёж –
молитва проступит, молчанье,
как только ты крылья сомкнёшь.

Атлант

Синичка щебетала: это – свой,
подхватывала крохи на ладони.
Надолго увязалась вслед за мной
голодная пернатая погоня.

Но в сердце шевельнувшееся зло
крылатое доверье опровергло.
И сделалось нежданно тяжело,
как будто я – на руку принял небо.

Механический Будда

Дверцу сердца на бронзовый ключик запри.
Но теперь посмотри: в средостеньи, внутри
завелась кропотливая жизнь.
Там, где крутятся втулки, снует маховик,
зацепился за донце паук-крестовик
и минутный плетет механизм...

Что ты, глупый болванчик, пугаешься зря:
восемь глаз у него? Он нелеп и незряч!
Много дел – паутинку смахнуть!
И куда как смешон загустившийся яд!
– Так кого же он ищет в силки уловлять? –
шестеренка жужжит наверху.

Ты же выверен весь – до последних пустот:
и пружина туга, и рассчитан завод
на капризы бессрочной игры.
Но уже прикоснулась чужая рука,
подсадив в несгораемый куб паука,
и другие вращает миры.

Так живи – не тужи: не страдай, не люби,
а привяжется нитка – живей обрubi,
будь пустым, словно счастье само.
А не то переменят задумку и плоть,
Человеком в саду обернется Господь,
поцелует кровавой слюной...